

Глава 866: Я могу встать чуть повыше

Пыль улеглась, и фигура Чжэсю появилась перед Сяо Чжаном.

На нем был только один предмет одежды, у него были очень короткие рукава и штаны, так что было невозможно скрыть подобные иглам волосы, прорастающие из его кожи.

На концах его пальцев было десять невероятно острых и твердых когтей. Они сияли холодным светом, который вызывал в окружающих страх.

Еще больше пугало его лицо, покрытое шерстью, его зубы, острые, как его когти, и его глаза, охваченные кровавой краснотой.

При этом зрелище толпа разразилась криками ужаса, отступая подобно волне, пока все бежали в страхе.

Чжэсю не беспокоило это. Его глаза были сосредоточены на этих даосистах в синем.

Эти даосисты в синем были очень могущественными, и еще больше пугало то, что они были очень опасными.

Сила не обязательно означала опасность. Никто не понимал этот принцип больше Чжэсю.

Так что он без колебаний решил применить метаморфозу берсерка в первый момент, сталкиваясь с этими врагами в своем самом могущественном состоянии.

.....

.....

Несколько мечей дао зажужжало, вибрируя с высокой скоростью под утренним светом.

Даосисты в синем посмотрели на Чжэсю и нахмурились. Они ничего не говорили и не атаковали.

Хотя Чжэсю рос, сражаясь среди снежных равнин северного фронта, у него всегда была известная репутация в центральном регионе Великой Чжоу.

Даосистам потребовался только взгляд, чтобы узнать молодого эксперта из племени Волков.

Вофу Чжэсю был самым опасным экспертом младшего поколения.

Это был общественно признанный факт, хоть и прошло несколько лет с тех пор, как он продемонстрировал это ужасающее присутствие и упорство в бою.

Если Чжэсю будет настаивать на защите Сяо Чжана, сегодня определенно станет горькой, и даже кровавой битвой.

Но даосисты в синем только стереглись его, но не боялись.

Они очень спокойно заключили, что Чжэсю не сможет изменить исход, что Сяо Чжан все еще умрет.

Они остановились не из-за внезапного появления Чжэсю, а потому что знали, куда Чжэсю

отправился, покинув снежные равнины, и кто был с ним все это время.

Как и ожидалось, толпа под ними расступилась в стороны, как волна.

Чэнь Чаншэн поднялся по каменным ступенькам.

Весь Город Фэнъян стал абсолютно тихим.

Никто здесь не узнал Чэнь Чаншэна, но все поданные Великой Чжоу были верующими Ортодоксии, так кто из них не сможет узнать Божественный Посох в его руках?

Кто на континенте обладал правом владеть Божественным Посохом?

Наконец кто-то пришел в чувства, выдохнув, что разбудило весь Город Фэнъян из ступора.

Народные массы подобно волне поклонились на земле Чэнь Чаншэну, их бесчисленные благоговейные голоса объединились вместе, превращаясь в громоподобный бум.

«Отдаем дань уважения Его Святейшеству Попу».

Чэнь Чаншэн подошел к Чжэсю, а затем повернулся к даосистам в синем.

Даосисты тоже стали на колени перед Чэнь Чаншэном. Их лица были почтительными, в них не было знаков нежелания.

Чэнь Чаншэн кивнул.

Служащий и эксперты Министерства Правосудия тоже встали на колени.

Чэнь Чаншэн повернулся к Сяо Чжану. Когда он увидел этот потрепанный лист белой бумаги, он вспомнил их первую встречу в Городе Сюньян, чувствуя себя немного меланхолично.

Даже сейчас он не смотрел на мирового судью.

Выражение лица мирового судьи колебалось несколько мгновений, но он наконец-то поднял перед своего одеяния служащего и поклонился.

Сяо Чжан не поклонился, так как у него не было сил. Конечно, даже если бы он был переполнен силами, он бы не поклонился Чэнь Чаншэну.

Чэнь Чаншэн уже был Попом три года. Его престиж на континенте рос все выше и выше, особенно с его последним появлением и вопросом Киноварной Пилюли.

В глазах Сяо Чжана он все еще был тем талантливым юношей с достаточно твердым характером, которого он встретил в Городе Сюньян, но он был таким же скучным и неинтересным, как Ван По.

Короче говоря, он видел Чэнь Чаншэна, как юношу, так почему он станет кланяться?

Сяо Чжан спросил: «Как ты оказался тут?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Так случилось, что я проходил мимо».

Это, естественно, была отговорка. Никто не поверит в это.

Сяо Чжан спросил: «Что ты хочешь сделать?»

Чэнь Чаншэн ответить: «Я хочу помиловать твои преступления».

Сказав это, он поднял Божественный Посох.

Все, что сейчас требовалось от Сяо Чжана, это поклониться, а затем он легонько коснется верхним концом Божественного Посоха головы Сяо Чжана, и церемония помилования будет завершена.

«Стойте! - мировой судья подавил страх в сердце и спросил дрожащим голосом, - когда Дворец Ли смог вовлекать себя в дела суда?»

Согласно законам Великой Чжоу и нескольким старым неписанным правилам, Дворец Ли обычно не вовлекал себя в политические дела.

Чэнь Чаншэн наконец-то посмотрел на мирового судью, но все еще не говорил с ним.

«Согласно Мемориалу по Наказанию Законов Великой Чжоу, кроме преступлений предательства, Его Святейшество Поп имеет право особого помилования».

Ху Тридцать Два в какой-то миг прибыл к месту действия. Он окинул мирового судью бесстрастным взглядом и сказал: «Какой ранг ты получил в Великом Испытании, что ты даже не знаешь этого?»

Лицо мирового судьи стало крайне неприглядным. Он был знаком с законами как церкви, так и Великой Чжоу, так что, естественно, знал, что у Попа было право особого помилования. Но предыдущий Поп ни разу не использовал это за свои столетия правления, так что не только он, но и герцоги суда забыли об этом.

Эти слова, сказанные им ранее, обладали такой силой и жизненной энергией, что, казалось, они издавали звук, поражая землю, а сейчас, казалось, они проносились эхом.

«Ты истребляешь невинных. Даже десять тысяч смертей не искупят твои преступления».

«Поэтому ты - грешник без искупления».

Вскоре после того, как он сказал эти слова, Поп появился и сказал, что хотел помиловать преступления Сяо Чжана.

Это было особое право Попа. 'Даже если десять тысяч смертей не искупят твои преступления, даже если ты - грешник без искупления, если я хочу помиловать тебя, ты свободен от греха'.

Танг Тридцать Шесть тоже приблизился. Указав на этих даосистов в синем, он сказал: «Если Ортодоксия не может вовлекать себя в дела суда, почему эти даосисты Монастыря Вечной Весны смеют убивать кого-то на улице? Мой лорд мировой судья, не должны ли вы арестовать этих людей и отправить их в тюрьму?»

Даосисты в синем выглядели незатронутыми этим, но выражение лица мирового судьи продолжало ухудшаться.

В этот миг Сяо Чжан внезапно сказал: «Я определенно не поклонюсь тебе».

Если он откажется кланяться, как можно будет завершить церемонию помилования?

Никто не мог ожидать, что как только ситуация решится, возникнет новая проблема.

Танг Тридцать Шесть был готов сказать несколько суровых слов Сяо Чжану, но был остановлен Чэнь Чаншэном.

«Я просто могу встать чуть выше».

Чэнь Чаншэн поднялся на несколько ступенек, а потом развернулся.

Сейчас он был на несколько ступенек выше Сяо Чжана, как раз на подходящей высоте.

Без необходимости для Сяо Чжана кланяться, он мог поднять Божественный Посох, вытянуть его, как указку, и коснуться головы Сяо Чжана.

Кончик Божественного Посоха без каких-либо звуков легонько коснулся головы Сяо Чжана трижды, завершая церемонию.

Сяо Чжан от начала до конца ничего не говорил, и никто не мог видеть, какое у него было выражение лица под белой бумагой. Он был изумлен или в ярости?

Через некоторое время он потер голову и сказал: «Немного чешется».

<http://tl.rulate.ru/book/1222/275987>